

Печальное изъ печальныхъ.

«Язычники насильственно вливали въ уста св. мучениковъ идоложертвенное...» (Минеи-Четіи 16 апр., житіе св. мученицъ: Агапіи, Хіоніи и Ирины).

«...Насильно раскрывъ ротъ православному, вольетъ еретическое причастіе, что дѣлали древніе еретики и дѣлаютъ, какъ я узналъ, нынѣшніе христороуцы» (Св. Θεодоръ Студитъ. Творенія. Ч. II. стр. 97—98).

«Аріане тоже дѣлали съ православными, вставляя въ ротъ клинъ» (Бароній. Лѣто 351 ч. 7).

«Не желающимъ старообрядцамъ причащаться, влагаяще во уста «клянъ» сильно причащаху люди ново-свящаемою евхаристіею» (И. Филипповъ. Исторія Выговской пустыни, стр. 25). И др.

Четыре сравненія, убійственно ярко рисующія однородныя дѣянія еретиковъ и язычниковъ. Язычники, вливая насильственно въ уста хри-

стіанъ идоложертвенное, хотѣли этимъ причинять имъ жестокія нравственныя пытки, ибо хрістіане такое вливаніе въ уста идоложертвеннаго считали *оскверненіемъ себя*. Это язычники знали и потому, издѣваясь надъ своею „святостію“, старались сквернить ею хрістіанъ. За ними вслѣдъ потянулись и древніе еретики, аріане, иконоборцы, туда же примкнули и наши бывшіе братья никоніане.

Однородность дѣйствій доказываетъ и однородность духа. Отсюда и можно съ очевидною безошибочностію судить, что изъ себя представляетъ господствующая церковь.

Ужасныя дѣянія! Эти дѣянія именно свойственны *только язычникамъ и еретикамъ*, т.-е. людямъ, ничего другого не признающимъ, кромѣ: *подчиняйся мнѣ и не прекословь!*

Никогда св. Христова церковь, истинная, ничего подобнаго себѣ не позволитъ!

Оно и понятно. Св. причастіе, это—не игрушка, это не предметъ оскверненія, а самое *наивысшее, святое, честное-пречестное*, это—*тѣло и кровь Господа Нашего Исуса Христа!* Такъ возможно ли имъ „помыкать“? Оно не только не преподается еретикамъ или раскольникамъ, но даже и *членамъ церкви дается со строгимъ разборомъ*; тотъ только его получаетъ, *кто этого достоинъ*. „Недостойтъ вдавати честное псамъ“. Съ точки зрѣнія истинной Христовой церкви, всѣ еретичествующіе суть нѣчто недостойное,⁵ и потому имъ нѣтъ святого причастія впредь до раскаянія и надлежащаго испытанія въ правовѣріи.

Но не такъ мыслятъ еретики.

У насъ въ Егорьевскѣ на-дняхъ случилось нѣчто подобное. Нѣкто И. Г. Лебедевъ, сынъ извѣстной въ свое время старообрядческой фамиліи, по младости лѣтъ и сложившимся обстоятельствамъ романическаго характера, уклонился въ господствующее исповѣданіе. Но, уклонившись туда тѣломъ, онъ душею жилъ всецѣло въ старообрядчествѣ, ибо воспитаніе оставило на его душѣ неизгладимыя впечатлѣнія красоты истинъ, содержимыхъ старообрядчествомъ, которыя наглядно ему показывали всю внутреннюю безсодержательность господствующаго исповѣданія. Положеніе прозелита, чувствующаго совершенную имъ ошибку, сдѣлало его на-время безразличнымъ къ религіи.

Но прошли годы. Пришла возмужалость. Общеніе съ начетчиками, съ братомъ своимъ, также отличнымъ начетчикомъ, положило въ его душу твердое намѣреніе возвратиться къ вѣрѣ отцовъ. Довольно длинный рядъ лѣтъ зрѣло это намѣреніе, но положеніе семейное и служебное удерживало его отъ рѣшительнаго шага.

Но вотъ насталъ моментъ, когда медлить было опасно, и онъ пишетъ просьбу на имя одного изъ нашихъ священниковъ воссоединить его со св. Христовою церковью старообрядствующей. Священникъ не замедлилъ прибыть въ земскую больницу, гдѣ онъ лежалъ уже сильно больной, и съ помощью

Божіей совершилъ тамъ акты присоединенія и напутствія, что доставило больному неизъяснимое удовольствіе, и онъ выразилъ вслухъ благодарность священнику за его попечительность. Больной подписалъ заявленіе на имя губернатора о перечисленіи, успокоился, простился и заснулъ хорошимъ успокоительнымъ сномъ, чего съ нимъ до сего не было.

Но каково было его удивленіе, когда въ одно изъ своихъ пробужденій онъ увидѣлъ себя окруженнымъ миссіонерами и священникомъ господствующей церкви! Съ нимъ сдѣлался припадокъ, и онъ впалъ въ безсознательность.

Докторъ больницы попросилъ миссіонерствующихъ выбраться изъ больницы. Но за это былъ призываемъ въ земство и имѣлъ тамъ объясненія.

Миссіонерствующіе одолѣли доктора и стали дежурить около больного, ожидая момента его прихода въ себя, чтобы совершить свое дѣло.

Друзья И. Г., сильно заботившіеся объ его положеніи, прибѣжали ко мнѣ и съ горькими словами отчаянія стали просить меня пойти и усовестить священника отказаться отъ его намѣренія. Вынужденный отлучиться, я уже одѣтымъ написалъ священнику извѣщеніе слѣдующаго содержанія:

Высокочтимѣйшій

о. Николай!

Почитаю долгомъ освѣдомить васъ, что Иванъ Григорьевичъ Лебедевъ присоединенъ къ старообрядчеству, и заявленіе о семъ имъ подписано и послано къ г. губернатору, такъ что въ напутствіи отъ священника церкви господствующей онъ не нуждается.

Примите увѣр. и т. д.

Н. Зенинъ. Егорьевскъ XI/19, 1910. II. 233.

Но развѣ это могло подѣйствовать? И поэтому, когда черезъ часъ—полтора я возвратился, меня встрѣтили съ новою, неотвязчивою просьбою—пойти въ больницу и повліять такъ или иначе на священника и миссіонеровъ, снова отправившихся туда въ ожиданіи прихода въ себя намѣченной жертвы. Я зналъ, что нельзя ничего подѣлать съ людьми, у которыхъ нѣтъ сердца, и мысль которыхъ направлена безповоротно въ извѣстномъ направленіи. Зналъ я и то, что съ этими людьми даже подчасъ опасно сталкиваться. Но, зная давнишнее искреннее желаніе Ивана Григорьевича быть въ лонѣ церкви, его воспитавшей, и чувствуя, что его пребыванію въ ней грозитъ опасность, я пошелъ. Въ больницѣ уже шла суета: служитель бѣжалъ отъ доктора, обгоняя насъ и на бѣгу сообщая: „Сейчасъ докторъ придетъ. Онъ ихъ выгонитъ!“ Очевидно и служащимъ, хотя они и господствующей церкви, не по душѣ были дѣйствія миссіонеровъ.

Но докторъ, имѣвшій съ кѣмъ-то дѣло по первому своему столкновенію съ ними, уже сталъ если не на сторону миссіонеровъ, то по крайней мѣрѣ не помогъ намъ усовестить священника отступить отъ своей

затѣи, даже не позволилъ мнѣ съ нимъ объясниться въ больницѣ. Правда, миссіонеры, стоя за перегородкою комнаты у открытой двери, все слышали, что я говорилъ съ докторомъ, а я, зная, что они слушаютъ меня, нарочито говорилъ громко и съ расчетомъ, чтобы повліять на нихъ. Но гдѣ тутъ!..

Докторъ насъ увѣрилъ, что съ больнымъ теперь *сдѣлать ничего нельзя*, ибо онъ въ *безсознательномъ состояніи*; онъ это обѣщалъ подтвердить и потомъ, если это потребуется, *это же подтвердила* и фельдшерница Рязанова, бывшая дежурною.

Разсказавъ, что обычно въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ миссіонеры, я просилъ доктора не допустить совершить этого и со всѣми друзьями и племянникомъ Ивана Григорьевича удалился, скорбя о совершающемся.

Пытки больного были долгія; онъ впадалъ въ безсознательность и, приходя въ себя, встрѣчался съ настойчивостью миссіонеровъ. Не взирая на его заявленія, что онъ, *когда ему батюшка будетъ нуженъ*, пошлетъ за нимъ, миссіонеры продолжали свое дежурство. И наконецъ-таки совершили „свое дѣло“: они его *причастили*, и очевидцы завѣряютъ, что они это сдѣлали, *предложивъ ему выпить воды*, ибо для приѣма причастія онъ, при всей слабости, не желалъ открыть рта. Тотчасъ же составленъ былъ протоколъ объ обратномъ присоединеніи и подписанъ „присутствующими“.

И вотъ, если свидѣтельствующіе говорятъ правду, то какъ считать это событіе, какъ не худшимъ изъ худшихъ, какія только возможны?

Неужели эти люди не поймутъ: вѣра, только вѣра, притомъ искренняя вѣра, и желаніе приобщаетъ людей къ церкви, ими избираемой, а не насиліе.

Больной умеръ. Старообрядцы считали его своимъ. Новообрядцы своимъ. Тѣ и другіе хотѣли его погребать. Но нельзя же драться изъ-за трупа, и старообрядцы, какъ люди вѣрующіе, отлично сознавали, что съ бездыханнымъ трупомъ можно дѣлать все, что угодно, а воля человека, изъявленная по собственному побужденію, насилуема быть не можетъ, и потому предоставили новообрядцамъ, какъ мертвецамъ, погребать мертвеца.

Священникъ просилъ по телеграфу губернатора разрѣшить погребсти умершаго по старымъ обрядамъ. Послѣ уже похоронъ трупа новообрядцами, полученъ былъ и отвѣтъ отъ губернатора: *привлечь старообрядческаго „наставника“ къ судебной отвѣтственности по 29 статьѣ устава о наказаніяхъ*.

Н. Зенинъ.